

УДК 81:82-6
DOI: 10.26140/bg23-2020-0903-0076

**ВЫРАЖЕНИЕ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКО-ЭТИЧЕСКИХ ПРИНЦИПОВ М.А. БУЛГАКОВА
В СТИЛИСТИКЕ ПИСЕМ ПИСАТЕЛЯ**

© 2020
AuthorID: 462174
SPIN: 7224-4927
ORCID: 0000-0003-4711-8615

Девдариани Наталья Валерьевна, кандидат философских наук, доцент кафедры
«Русского языка и культуры речи»

AuthorID: 680842
SPIN: 8728-9478
ORCID: 0000-0002-3872-1351

Рубцова Елена Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры
«Русского языка и культуры речи»

*Курский государственный медицинский университет
(305041, Россия, Курск, ул. Карла Маркса, д. 3, e-mail: rubcova2@mail.ru)*

Аннотация. В данной статье представлен анализ гуманистической этики М.А. Булгакова, которая выражается в его письмах двадцатых-тридцатых годов, приходящихся на период общественно-политического кризиса, происходящего в Советском Союзе. Отмечается, что писатель сумел подвергнуть резкой критике политические и морально-нравственные явления общественной жизни рассматриваемого периода и показать собственное отношение к идеалам советского человека, противопоставив им созданный Булгаковым гуманистический идеал, воплощенный впоследствии в образ Иешуа в романе «Мастер и Маргарита». В представленном исследовании авторы рассматривают стилистическую особенность писем писателя, посредством которой выражаются понимание Булгаковым таких категорий, как счастье, ответственность, и человеческое достоинство, которые сам Булгаков сумел сохранить и открыто заявить о них, несмотря на несовпадение с официальной идеологией, взглядами на искусство, права и обязанности писателя. Исследуются общественно-политические взгляды писателя, выраженные как в письмах правительству, обращениях к Сталину, так и в произведениях «Белая гвардия», «Бег», «Дни Турбиных», «Дьяволиада» и других. Делается вывод о не проходящей актуальности взглядов и критики Булгакова, осмыслившего проблемы общества, государства, творца и нравственности, которые злободневны и на современном этапе развития социума.

Ключевые слова: стилистическая особенность, письма, художественные произведения, идеология, цензура, мировоззрение, этика, мораль, гуманизм, эстетическая позиция, общественно-политическая ситуация, диктатура, правительство, художественное слово, творческий выбор.

**THE EXPRESSION OF PHILOSOPHICAL AND ETHICAL PRINCIPLES OF M. A. BULGAKOV
IN THE STYLISTICS OF HIS LETTERS**

© 2020

Devdariani Natalia Valerievna, candidate of philosophical sciences, assistant professor
of the «Russian Language and Speech Culture» department

Rubtsova Elena Viktorovna, candidate of philological sciences, assistant professor
of the «Russian Language and Speech Culture» department

*Kursk State Medical University
(305041, Russia, Kursk, Karl Marx Street, 3, e-mail: rubcova2@mail.ru)*

Abstract. This article presents an analysis of the humanistic ethics of M.A. Bulgakov, which is expressed in his letters of the twenties and thirties, coinciding with the period of socio-political crisis taking place in the Soviet Union. It is noted that the writer was able to expose a sharp criticism of political and moral phenomena of social life of this period and show own attitude to the ideals of the Soviet man, opposed them by Bulgakov humanist ideal, expressed subsequently to the image of Yeshua in the novel “Master and Margarita”. In the present study, the authors examine the stylistics feature of the letters through which are expressed the understanding of Bulgakov categories such as happiness, responsibility, and human dignity, which Bulgakov himself was able to preserve and openly declare about them, despite the discrepancy between the official ideology, views on art, the rights and obligations of the writer. The political views of the writer, as expressed in letters to the government, appeals to Stalin, and in the works “the White guard”, “Running”, “Days of Turbin”, “Diaboliad” and other are examined. The conclusion concerns the constant relevance of the views and critics of Bulgakov, who analyzed problems of society, the state, of the Creator and morality, which are topical at the present stage of development of the society.

Keywords: stylistic feature, writing, fiction, ideology, censorship, ideology, ethics, morality, humanism, aesthetic position, political situation, dictatorship, government, artistic expression, creative choice.

ВВЕДЕНИЕ.

На сегодняшний день продолжают оставаться актуальными проблемы взаимоотношения властей и личностей, которые признаются в обществе неординарными. Выдающиеся люди своей эпохи порой оказываются по другую сторону баррикад от линии правительства. Даже в XXI-ом веке, несмотря на демократизацию общества, явление оппозиции очень популярно. Но меры противодействия и принципы противостояния в корне отличаются от событий 1930-х годов XX века. Именно в этот период, когда происходило становление нового общества, когда в различных областях культуры появлялись талантливые одаренные люди, давление власти, репрессии, запреты были основными чертами эпохи.

Начиная с 1990-х годов, исследователям творчества Михаила Булгакова стало доступным почти все наследие великого писателя. «теперь его пополнение возмож-
Балтийский гуманитарный журнал. 2020. Т. 9. № 3(32)

но лишь единичными материалами, рассеянными по различным государственным, а то и частным архивам» [1]. Особый интерес ученых вызывают опубликованные письма Булгакова [2-8].

МЕТОДОЛОГИЯ.

Мы исследовали этическую и эстетическую позицию Михаила Булгакова в той мере, в какой они проявились в его письмах к широкому кругу высших чиновников и близких ему людей. Отметим, что это был публичный, по крайней мере, в масштабах страны, диалог о правилах поведения государства и человека, художника и общества. Михаил Афанасьевич попытался опровергнуть (пусть не всегда категорично) уже сложившиеся в верхах «правила игры» между властями и подчиненными. Был проведен дискурсивный анализ основных произведений М.А. Булгакова, а также его писем, направленных Сталину, правительству.

РЕЗУЛЬТАТЫ.

Для творчества Михаила Афанасьевича Булгакова, особенно в 1930-е годы, характерной становится проблема взаимоотношений художника и власти. В центре его произведений оказываются настоящие мастера слова. Вначале это вполне реальные творцы: Мольер (в драме «Кабала святош»), Пушкин (в пьесе «Последние дни»), а затем и герои, созданные воображением автора: Максудов (в романе «Записки покойника») и Мастер (в романе «Мастер и Маргарита»), образ которого приобретает символический смысл. Эти герои очень разные по своему характеру, привычкам, но «их объединяет одно общее человеческое качество – им тесно и неуютно в том обществе, в котором они живут, будь то 17 или 19 век, будь то вчерашний день России» [9, с.346]. Появление их в творчестве Михаила Афанасьевича, как и самой темы взаимоотношений писателя с обществом, не случайно и объясняется как личными, так и общественными причинами. «Михаил Афанасьевич Булгаков был во многих отношениях уникальным писателем. Будучи по духу своих взглядов и произведений совершенно несоветским и даже антисоветским автором, он, тем не менее, почти всю сознательную жизнь прожил в СССР и написал именно здесь свои самые яркие произведения («Собачье сердце», «Дни Турбиных», «Белая гвардия», «Мастер и Маргарита»). Отношения писателя с тоталитарным советским строем получили знаменательную персонификацию в его взаимодействии с Иосифом Сталиным» [10, с.503].

Всякая власть – средство, с помощью которого общество поддерживается в стабильном состоянии. Но здоровую основу стабильности определяет естественный ход всевозможных внутренних процессов. Если же для обеспечения жизнедеятельности общества требуется все большее «нагнетание усилий» [11, с.206], все большая «концентрация власти как инструмента давления» [11, с.206], то это означает, что общество либо больно, либо вообще нежизнеспособно. Так сложились взаимоотношения и Михаила Булгакова с правительством. Взгляды его и официальных кругов на искусство оказались различными, поэтому писатель вступает в острейший поединок с властями и литературной общественностью. О накале и содержании этого столкновения свидетельствует, кроме самого творчества Михаила Афанасьевича, его переписка с правительством, Сталиным и другими представителями власти имущих.

Письма М.А. Булгакова дают представление о моральном и общественно-политическом климате страны. В них дана картина литературной жизни, в которой «как муха в прозрачном окаменевшем сгустке янтаря» [11, с.206], оказывается запечатленным диктатор.

Не многие имели смелость напрямую – не через влиятельных лиц, не через знакомых – обращаться к верховной власти и защищать свою личность и свое (не общественное) право на труд, профессию, сносное материальное существование. Булгаков с 1929 по 1938 годы (последнее письмо к Сталину) вел диалог с правительством о нормальных правилах общежития, не беря в расчет, что общепринятые нормы, законы фактически были подчинены политической целесообразности и идеологической конъюнктуре. В то время, как имя вождя, символическое, произносилось лишь в том случае, если надо было выразить свое восхищение «отцом народов» или отрапортовать об очередных достижениях («Да здравствует вождь мирового пролетариата товарищ Сталин!», «Да здравствует наш великий, дорогой товарищ Сталин!») [12] – подобными словами заканчивалась речь почти каждого из выступавших на Первом всесоюзном съезде советских писателей), М.А. Булгаков осмеливался не согласиться с вождем, он разговаривал с ним как с равным себе. И письма его – яркое доказательство этому.

1928-1929 годы отличны от тех недавних времен, когда Михаил Булгаков только вступал в литературу.

Идея свободного творческого соревнования, провозглашенная в резолюции ЦК РКПБ (б) «О политике партии в области художественной литературы» (1925), – еще сохранялась как общий лозунг. Между тем на практике одна за другой разворачивались кампании: против «есенинщины», против «замятинщины», против «булгаковщины»... Произведения Замятина, Пильняка, Зощенко оказывались в разряде «непролетарской макулатуры», их участие в литературной жизни становилось все более проблематичным, а затем и невозможным. Но М.А. Булгаков, начиная переписку с властями, исходил еще из настроений о свободном творческом выборе художественного слова.

В обращении к властям писатель видел последнюю попытку получить возможность работать. (Следует сказать, что «Булгаков явно отвергал проповедь ненасилия Льва Толстого... В «Мастере и Маргарите» проблема «свободы делания хотя бы зла во имя талантливости» вновь встала в связи с образом Воланда и его отношений с Мастером» [13, с.124], который во имя сохранения своего творческого гения вынужден принять помощь сатаны). Вполне возможно, что, подобно этому, Михаил Афанасьевич обращается к Сталину и правительству, чтобы иметь возможность писать. «Затравленный», «доведенный до нервного расстройства» [14, с.431], в июле 1929 года он впервые пишет И.В. Сталину, М.И. Калинин – Председателю Ц.И. Комитета, А.И. Свидерскому – начальнику Главискусства, А.М. Горькому. Это письмо представляло собой первую попытку обрисовать катастрофу, обрекавшую гонимого писателя на эмиграцию или молчание. Именно Горький являлся в этой ситуации для писателя, той личностью, которая была способна, по его мнению, переломить сложившейся в обществе отношение к нему. Находясь в бедственном положении, изолированный от всех Булгаков, «не будучи в силах более существовать» [14, с.432], просит о том, что в любой другой ситуации могло бы показаться абсурдом, – об изгнании за пределы СССР вместе с женой. Заметим, что эти открыто произнесенные слова, обращенные к правительству, есть не что иное, как дерзкий вызов. Но в то же время это и крик души. Крик человека, уже «бессильного защищаться», ощущающего себя в своей стране «заложником» [14, с.432].

Письмо было обращено не одному человеку, а «коллективу». Это весьма значительная деталь. Во-первых, таким обращением Булгаков снижает (и вполне вероятно умышленно) роль бессмертного вождя: «лучший друг писателей», «отец народов», И.В. Сталин оказался в одном ряду с «простыми смертными». Во-вторых, такая форма обращения сделала письмо не сугубо личным и поэтому закрытым для других, а заведомо предполагала его публичный статус. Вероятность не заметить такое письмо, казалось бы, сведена до минимума. Заметим, что через 38 лет подобной формой – один текст, отправленный многим адресатам, – воспользуется А.И. Солженицын. Отличие только в том, что его «Письмо IV Всесоюзному съезду Союза Советских писателей» адресовалось не только секретарям организации, но и многим рядовым членам. Опыт Булгакова был использован с учетом многолетней жизненной практики общения писателя с властями тоталитарного государства.

Сталин не решился не подать голоса. И, как известно, он позвонил Михаилу Булгакову через год, после чего разрешился вопрос о трудоустройстве. Можно предположить, что это был вынужденный шаг диктатора. Настойчивость и категоричность Михаила Афанасьевича были поразительны. Вслед за письмом, адресованным «четырем», он пишет А. Енукидзе, партийному «куратору» всей культуры того периода и другу – соратнику «вождя народов». Два месяца спустя после первого письма Булгаков не снижает тона и говорит о «бесплодности всяких попыток» [14, с.434]. Обращаясь к А.М. Горькому, тоже по существу официальному лицу, он задает этот сакральный вопрос:

«Зачем держать писателя в стране, где его произведения не могут существовать?» [14, с.436]. Обратим внимание на особенности стилистики этих писем, выдающей не смирение и соглашательство, напротив, - негодование, протест, возмущение.

В том же духе – не только разъяснений, но и требований – написано письмо «Правительству СССР». Автор накапливает аргументы, свидетельствующие о негативной тенденции в области взаимоотношений литературной критики и художественного слова. Булгаков отмечает, что фактически все отзывы за 10 лет работы о нем были «ругательными», что он «останется, новобуржуазным отродьем, брызжущим отравленной, но бессильной слюной на рабочий класс и его коммунистические идеалы». («Комс.Правда» 14.IX.1926)» [14, с.444]. Такое свидетельство (вместе с другими) правительству переросло рамки литературной проблемы и становилось признаком неблагополучия социального климата времени вообще. Не случаен этот обобщающий вывод: «Я доказываю с документами в руках, что вся пресса СССР, а с нею вместе и все учреждения, которым поручен контроль репертуара, в течение всех лет моей литературной работы единодушно и с необыкновенной яростью доказывали, что произведения М. Булгакова в СССР не могут существовать. И я заявляю, что пресса СССР совершенно права» [14, с.445]. Это по существу обвинение правительству, его учреждению в спровоцированном заговоре против писателя, против его творчества. Булгаков идет дальше: он доказывает, что уже формируется новая общественная этика, в основе которой – жизнь по разным стандартам, приспособленчество. Он напоминает о тех, знающих толк в современной ситуации, кто советует ему «сочинить “коммунистическую пьесу”, обратиться к Правительству СССР с покаянным письмом» [14, с.443]. Ни одного слова покаяния не прозвучало в письмах Булгакова ни сейчас, ни позже. Но на аморальность и нелепость советов (не только непосредственных советчиков, но и их покровительственных заказчиков) указал.

Сталин все же напомнил о себе, и, очевидно, причиной нарушенного молчания была эта настойчивость и все более разворачивающаяся аргументация Булгакова в пользу независимости художественного слова, «призыв к свободе печати» [14, с.446]. Решение Сталина представить работу Булгакову в Художественном театре было, скорее, желанием приостановить этот напор писателя и «приручить» строптивца.

Письма М. Булгакова к «власть имущим» и родным и близким, в которых говорится о «диалоге» с властями (Вересаеву, Попову, Н. Булгакову и др.), обладают своей внутренней логикой: начав с защиты своих гражданских и правительственных прав, автор серьезным образом расширил круг интересов. Фактически продолжением стала защита проверенных временем этических и эстетических норм бытия и принципов.

Человек, находящийся в обществе на положении изгоя, должен стараться это общество не раздражать. Булгаков раздражал абсолютно всем: своим аристократическим внешним видом, своей манерой с холодной вежливостью держать собеседника на дистанции, своей независимостью. Более того, сам гонимый, на грани заключения, он не боится хлопотать за несправедливо репрессированных друзей. Булгаков помогает Анне Ахматовой писать Сталину письмо после того, как в одну ночь были арестованы сразу и ее муж, и сын. Он сопровождает Ахматову, когда та шла отправлять это письмо. Позднее, в страшном 1938-ом году, в самый разгар ежовщины, М. Булгаков отправляет Сталину письмо, в котором вступает за политически ссыльного Николая Робертовича Эрдмана, советского драматурга, автора «Мандата» и «Самоубийцы», драматурга, сосланного в Енисейск за «сатирические басни».

Художник, мастер, творчество которого известно не только в СССР, но и широко за границей, действительно

не видит свою беспомощность. В данный момент ему грозили «нищета, улица и гибель» [14, с.450]. Писатель не надеялся, что правительство повернется к нему лицом, что положение Булгакова улучшится. Но художник продолжает вести диалог с властями, исходя не только лишь исключительно из собственных побуждений. «Потребность самовыражения для него куда более важна, нежели комфортное физическое существование. Это вечный тест на масштаб таланта: художник, который решает проблему выбора между творчеством и комфортным существованием в пользу последнего, либо откровенно слабый по своим природным возможностям, либо сознательно сошедший с единственного пути, который ему был предназначен» [11, с.206]. Для Булгакова важно в письмах поведать не только о собственной судьбе, но и отстоять важнейшие эстетические принципы.

Прежде всего, Булгаков говорит о недопустимости цензуры, действующей негативно: «она способна многое пресечь, но бессильна создать что-либо» [15, с.174]. Считалось, что цензура преследовала лишь «вредное», но при советской власти было «вредным» объявлено бесполезное» [15, с.195]. Булгаков призывает к свободе печати в самый разгар «охоты за ведьмами».

Булгаков понимал, что живя в «Эпоху Всеобщего доносительства и всеислия тайных служб» [11, с.202], художник теряет свободу выбора. Ему, как и многим другим, на протяжении длительного времени внушалось одно – согласиться со всем, перестроиться. А «кто не хочет перестраиваться, например, Зощенко, пускай убирается ко всем чертям» [16, с.352].

В такой ситуации творчество тех, кто стремился сохранить собственное «я», кто писал не то, что требовалось временем, не имело права на существование.

Однако Булгаков уже в 1921 году, сообщая в письме брату К.П. Булгакову о своей «судьбе – насмешнице», выражает четкую уверенность в том, что его работы не актуальны в данное время, «ведь это индивидуальное творчество, а сейчас идет совсем другое» [14, с.393]. И это другое видел не один он. По словам М. Зощенко, советская литература представляла собой тогда «жалкое зрелище». В ней «господствует шаблон, все пишется по шаблону. Поэтому плохо и скучно пишут даже способные писатели» [16, с.350]. Очень просто и верно сказал Есенин о том, что у каждого в литературе должен быть свой голос и каждый должен «петь по-своейски, даже как лягушка» [17, с.186]. Пусть скромный голос, но зато свой, не заимствованный. В условиях же тридцатых годов писатели оказывались лишенными собственного голоса. Перед художником ставилась одна задача: «писатель должен вооружить и заострить свое перо идеями и мудростью нашей партии и ее великого вождя Сталина» [12, с.197]. Сами писатели начинали поддерживать эту идею похожести одного произведения на другое. Лев Славин заявлял абсолютно серьезно следующее: «Заметив повторяемость, надо ее приветствовать. Она говорит о зарождении культуры. Она предвещает явление гения. Великое произведение искусства не бывает эксцентрическим. Оно особенно по качеству, но шаблонно по наполненности. Это великий шаблон. Вернее – непревзойденный по точности эталон для измерения эпохи» [18, с.102].

Михаил Афанасьевич Булгаков не мог и не хотел следовать устанавливаемым образцам, которые, чем дальше, тем становились все более обязательными, вплоть до набора «сюжетных ситуаций» [19, с.246], исключая личные нововведения. Официально предлагался и тип литературного героя – «активные строители новой жизни: рабочие и работницы, колхозники и колхозницы, партийцы, хозяйственники, инженеры, комсомольцы, пионеры» [12, с.4]. Были исключены и «языковые новации» [19, с.247] – каждому автору предстояло войти в уже готовое языковое русло и писать так, а не иначе. Достаточно было слов: «Простота языка Сталина или Горького вот образец для нас» [12, с.151], чтобы фак-

тически утвердить литературную традицию, нарушив при этом законы индивидуального писательского языка и стиля.

Как следствие, существующее в литературном сообществе положение вещей дистанцировало писателя, определяя ему особое место. У художника возникают сомнения относительно своих произведений: уместны ли они в этих условиях. Такая мысль звучит уже в августе 1923 года в письме М.А. Булгакова Ю.Л. Слезкину: «“Дьяволяду” я кончил, но вряд ли она где-нибудь пройдет» [14, с.453]. Михаил Булгаков дает негативную оценку государственной политике, которая подчиняет искусство идеологии, отводит деятельную роль в развитии литературы не отдельным авторам и не писательским группам, а самой государственной власти. По существу Булгаков в письмах «власть имущим» и близким людям дает представление о положении художника слова в тот самый период существования литературы, когда за инакомыслие не допускалось. Подвергались запрету или преследованиям даже отдельные жанры. Так, невозможной в этих условиях оказалась сатира, не уместящаяся в прокрустово ложе советской литературы.

Михаил Булгаков точно оценивал ситуацию: «... никакая настоящая (проникающая в запретные зоны) сатира в СССР абсолютно немислима» [14, с.447]. Поэтому и обернулись его сатирические произведения, как и произведения Андрея Платонова, Евгения Замятина, Михаила Зощенко, против самих писателей. Приходилось откровенно уклоняться от сатиры. Так, М. Зощенко в письме Сталину (26 августа 1946 год) признавался: «Шаг за шагом я стал избегать сатиры, и, начиная с 30-го года, у меня было все меньше и меньше сатирических рассказов» [16, с.356]. Но изобразить положительные стороны жизни было, по словам того же М.Зощенко, нелегко, «так же трудно, как комическому актеру играть героические образы. Можно вспомнить Гоголя, который не смог перейти на положительные образы» [16, с.356]. Но было совершенно понятно также, что «сатирик в СССР посягает на советский строй» [14, с.447]. Для честного писателя ситуация почти безвыходная.

ВЫВОДЫ.

Булгаков открыто говорит о трагедии художника, вынужденного молчать. Это было столкновение таланта, личности с накачивающимся на всех и все «красным колесом». Варианты, главным образом, негативного поведения многих перед этой реальной угрозой сегодня общеизвестны. Тем более поучительны уроки одного из тех, кто в условиях тоталитарного режима сумел сохранить человеческое достоинство и открыто заявлял о своих несовпадающих с официальной идеологией, взглядах на искусство, о правах и обязанностях писателя. Булгаков был убежден в своей правоте, и поэтому – изруганный, оклеветанный, лишенный не только любимой работы, но и куса хлеба, безнадежно уставший от изнурительного сопротивления с жестокой системой, - чести своей не уронил. Булгаков признан одним из талантливых и правдивых писателей, который несмотря на давление сверху, был способен на выражение своего неприятия линии властей, осуществлявших руководство не только жизнью, но и мыслями всей творческой интеллигенции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Богданов Н.Н. Несобранные письма Михаила Булгакова. URL: <http://www.mineralov.su/bo12.htm> (дата обращения 01.03.2019).
2. Харитонова Л.М., Биданова А.А. Своеобразие личности художника в письмах М.А. Булгакова // Актуальные научные исследования в современном мире. 2017. № 11-6 (31). С. 85-89.
3. Дышечков М.Х. Ранний период творчества М.А. Булгакова в письмах // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания. 2014. № 25. С. 56-60.
4. Маркасова О.А. Эмотивный анализ писем М. Булгакова // Филология: научные исследования. 2019. № 2. С. 34-43.
5. Наумова Н.Г., Мельникова А.А. Некоторые черты личности М. Булгакова, воссоздаваемые на основе его писем / Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики. Материалы XII Международной научно-практической конференции: в 4-х томах. Волжский университет им. В.Н. Татищева. 2015. С. 78-83.

6. Шамсутдинов Д.И. М.А. Булгаков как языковая личность в эпистолярном тексте // Мир науки и инноваций. 2015. Т. 11. С. 22-26.
7. Албакова З.А. К истории создания романа «Мастер и Маргарита» М.А. Булгакова (на материале эпистолярного наследия) / Образовательная система: вопросы продуктивного взаимодействия наук в рамках технического прогресса сборник научных трудов. Казань, 2019. С. 9-12.
8. Келлер-Дедицкая Е.Р. Автор как творческая личность в письмах М.А. Булгакова / Научные исследования русской словесности (к юбилею профессора С.А. Матяш) Сборник научных трудов. Оренбург, 2019. С. 181-184.
9. Петелин В.В. Михаил Булгаков. Жизнь. Личность. Творчество. М.: «Московский рабочий», 1989. 496 с.
10. Маломожнова Е.С. Творец и вождь: взаимоотношения М.А. Булгакова и И.В. Сталина // Молодой ученый. 2016. №16. С. 503-505.
11. Шиндель А. Пятое измерение // Знамя. 1991. №5. С. 193-208.
12. Первый Всесоюзный съезд советских писателей. 1934. Стенографический отчет. Репринтное воспроизведение издания 1934 года. М.: Советский писатель, 1990. 718 с.
13. Энциклопедия булгаковская / Б. В. Соколов. М.: Локид; Миф, 1996. 586 с.
14. Булгаков М.А. Собрание сочинений в 5 тт., т.5. М.: Художественная литература, 1990. 495 с.
15. Ходасевич В. Статьи о советской литературе // Вопросы литературы. 1996. №4. С. 170-174.
16. Томашевский Ю. Судьба М. Зощенко // Зощенко М. Собр.соч. в 5 в 5 тт., т.5. М.: Художественная литература, 1994. С. 340-417.
17. Есенин С. Собр.соч. в 2 тт., т.1. М.: Современник. 384 с.
18. Славин Л. Черты великого / Драматургия. М.: Советская литература. 239 с.
19. Чудакова М. Сквозь звезды к терниям. Смена литературных циклов // Новый мир. 1990. №4. С. 242-262.

Статья поступила в редакцию 19.06.2020

Статья принята к публикации 27.08.2020